

Этот спор был обречён зайти в тупик. Когда Цуй Юань, Лян Ханюй и Чжан Сяоху окончательно распались, Чу Сяоханю показалось, что любой из них по отдельности мог бы перекричать пятьсот уток. А сейчас на него галдели полторы тысячи.

В конце концов, так и не придя к согласию и не определив победителя, разгорячённый Цуй Юань повернулся к Фэйфэю и выпалил:

— Фэйфэй, скажи, кого ты хочешь видеть своим соседом по парте?

Малыш, втянутый в эпицентр битвы, честно моргнул своими большими глазами и без колебаний ответил:

— Хочу братика Сяоханя.

Братика... Сяоханя?

Цуй Юань, Лян Ханюй и Чжан Сяоху переглянулись. Они тут бились не на жизнь, а на смерть, а победителем вышел Чу Сяохань?

Трое мальчишек, только что яростно споривших, мгновенно объединились и направили своё оружие на общего врага. Шесть глаз, мечущих искры, впились в Чу Сяоханя.

Срывать злость на Фэйфэе они, конечно, не могли, поэтому пришлось искать причину в другом.

«Это всё папа виноват!» — мысленно возмутился Чжан Сяоху.

Если бы отец согласился отпустить его пожить у Фэйфэя, то малыш сейчас точно выбрал бы его.

Раньше они все были на равных в сердце Фэйфэя, но за последние несколько месяцев всё изменилось. Чу Сяохань постоянно жил у Фэйфэя, проводил с ним время и в детском саду, и дома. Конечно, за это время Фэйфэй привязался к нему сильнее!

Лян Ханюй с обидой посмотрел на Фэйфэя.

— Почему не я? Фэйфэй, ты меня больше не любишь? — он-то думал, что их дружба особенная. Они вместе прятались в мусорном баке, он учил Фэйфэя менять голос, а Фэйфэй при первой же встрече доверил ему секрет, что его отец — Линь Сынянь.

Он думал, их отношения были другими.

Увидев огорчённое лицо Лян Ханюя, Фэйфэй поспешно замотал головой.

— Нет, я люблю Ююя. Фэйфэй любит Ююя.

— Если любишь, почему не выбрал меня? — ну вот, опять всё по кругу.

Вслед за Лян Ханюем тоскливо протянул Цуй Юань:

— Фэйфэй, мне кажется, ты меня разлюбил. — Он так и знал! Чу Сяохань — маленький лис! Это он недосмотрел и позволил ему украсть сердце Фэйфэя! Теперь Фэйфэй любит Чу Сяоханя, а не его!

— Нет-нет, Фэйфэй не разлюбил, — малыш инстинктивно почувствовал, что дело приняло серьёзный оборот, и добавил: — А почему в начальной школе может быть только один сосед по парте? Разве нельзя сидеть всем вместе, как в детском саду?

Фэйфэй ещё не так хорошо разбирался в правилах начальной школы, как его друзья.

И слава богу, что он был ещё мал и многого не понимал. К тому же, несмотря на весьма двусмысленную сцену, дружба между мальчиками была самой что ни на есть чистой.

А то ведь со стороны всё это выглядело как разоблачение неверного «морского короля», которого его преданные поклонники допытывают: «Так кто же из нас твоя настоящая любовь?»

А маленький коварный соблазнитель на это отвечает своим фирменным голосом: «Я хочу вас всех!»

— Хватит допрашивать Фэйфэя. Ему до школы ещё далеко, — наконец, не выдержал Чу Сяохань. Его слова имели двойной смысл. Неужели Цуй Юань и остальные не видят, что ещё немного, и малыш расплачется?

Вот же бесчувственные!

В конце концов Лян Ханюй глубоко вздохнул и, бросив на Фэйфэя взгляд, полный то ли обиды, то ли смирения, то ли сложного клубка других эмоций, произнёс:

— Ладно, не буду на тебя давить. Главное, чтобы в твоём сердце для меня оставалось место.

Этот взгляд, эти слова... достойны бывшей знаменитости, прошедшей суровую школу шоу-

бизнеса.

Не обращая внимания на внезапно включившегося актёра Лян Ханюя, Чу Сяохань просто взял Фэйфэя за руку, поднял его с ковра и повёл к выходу.

— Ты куда его ведёшь? — крикнул ему вслед Цуй Юань.

— Время ужинать. Мы идём домой, — ответил Чу Сяохань на ходу.

— Можете и у нас поужинать, — с досадой бросил Цуй Юань.

Чу Сяохань на мгновение остановился.

— Бабушка Линь сегодня приготовила новое блюдо. Перед уходом она просила меня привести Фэйфэя домой.

Услышав это, Фэйфэй, которого послушно вели за руку, тоже вспомнил. Он помахал оставшимся друзьям.

— Юаньюань, Ююй, Сяоху, пока! Завтра в садике поиграем. Бабушка ждёт меня дома.

Маленький сердцеед удалился, оставив за собой поле битвы, словно всё произошедшее его ничуть не касалось.

Когда Чу Сяохань и Фэйфэй ушли, Цуй Юань раздражённо воскликнул:

— А-а-а-а! Я завтра же заставлю папу разрешить мне жить у Фэйфэя! Вы видели лицо Чу Сяоханя? Такое высокомерное, просто невыносимо!

Лян Ханюй снова вздохнул. Сейчас дома, кроме него, были только дедушка с бабушкой. Если он тоже уедет к Фэйфэю, они останутся совсем одни.

Так что же делать? Как за то короткое время, что они проводят в детском саду, укрепить дружбу с Фэйфэем и обойти Чу Сяоханя в его сердце? Лян Ханюй был в замешательстве.

Последним высказался Чжан Сяоху. Он сжал кулак, повертел его перед собой и, посмотрев на Цуй Юаня и Лян Ханюя, спросил:

— Как думаете, я сейчас смогу победить Чу Сяоханя?

Настрой Чжан Сяоху был похож на настрой Дундуна в прошлом, только тот хотел победить их всех, а теперь они все вместе видели своего главного соперника в Чу Сяохане.

— Вряд ли, — покачал головой Цуй Юань, не питая особых надежд на победу Чжан Сяоху.

Но тот не унывал.

— Я могу продолжать тренироваться и расти! К началу школы я точно его одолею!

И тогда место соседа по парте Фэйфэя точно будет его!

Так, с наступлением ночи, закончился этот день и начался новый, а Цуй Юань и остальные так и не узнали «ужасную новость» о том, что Фэйфэй не пойдёт с ними в школу.

Это несколько разочаровало Линь Цзинли. Он-то надеялся понаблюдать, как семьи Цуй и Чжан будут успокаивать своих детей. Но раз уж те пока молчали, Линь Цзинли не собирался, подобно Цуй Гуану, дразнить детей. Он просто создал на компьютере новый проект под названием «Инцидент с оставлением Фэйфэя на второй год», установил срок выполнения в полтора года, отложил его в сторону и временно выбросил из головы.

А Цуй Гуан и Чжан Му тем временем наслаждались своей новой, размеренной жизнью. Они слушали «Триста детских песен» и время от времени получали от своих сыновей конфеты. Что ещё нужно для счастья? Они чувствовали себя так, словно вернулись в прошлое и снова обрели радость жизни.

Это было похоже на то, как нищий, никогда не евший досыта, вдруг начинает получать еду через день. Он не может и не смеет мечтать о большем, он просто счастлив тому, что имеет. Эта жизнь казалась ему раем, который он не променял бы и на трон императора.

Но они ещё не знали, что судьба, пока они наслаждались своим счастьем, уже заложила под них бомбу замедленного действия. Бомбу, которая однажды взорвётся, заставив их молить о пощаде и называть своих детей «маленькими предками»...

Тем временем в стране А, по ту сторону океана.

В старинном замке, словно сошедшем со страниц средневековых хроник, на диване сидел мальчик. Золотистые, слегка вьющиеся волосы, длинные ресницы с золотистым отливом, лицо, будто у фарфоровой куклы, — всё в нём было безупречно.

Мальчик сидел с непроницаемым выражением лица. Если бы не мерное движение груди в такт

дыханию и редкое моргание, можно было бы подумать, что это и впрямь искусно сделанная кукла.

В комнату вошли высокий, статный мужчина и изысканно одетая женщина, чьи манеры выдавали принадлежность к высшему обществу.

Они подошли друг к другу, очевидно, супруги. Войдя в комнату, они посмотрели на сидящего на диване ребёнка. В их взглядах смешивались явная забота и хорошо скрываемая скорбь.

Мужчина подошёл к мальчику и взъерошил его волосы — так он поздоровался с сыном.

Когда мальчик перевёл на него взгляд, мужчина посмотрел ему прямо в глаза и, стараясь говорить как можно чётче, спросил:

— Эл, как прошёл твой день? Тебе понравился новый мультфильм, который я для тебя снял?

Мальчик посмотрел на отца, затем, словно ещё раз сверяясь с его выражением лица, ответил после долгой паузы, немного неуверенно:

— Понравился?

Это был спокойный вопрос, а не утверждение. Мальчик и сам не знал, понравилось ему или нет.

Папа говорил, что нравится — это когда тебе весело.

Но он не знал, что такое «весело». А значит, и «нравится» было для него пустым звуком.

Это всё равно что пытаться описать слепому от рождения ребёнку, как звучит машина, как по-разному поют птицы, как убаюкивающе стучит по крыше дождь.

Он никогда этого не испытывал, а потому не мог и представить.

Взгляд мужчины потемнел.

Эл молча смотрел на отца.

«Вы говорите, что когда весело — смеются, и я научился смеяться. Но когда я смеюсь, вы не хвалите меня. Вы говорите: „Нет, не так. Эл, ты должен научиться радоваться“.

Вы сами сказали, что смех — это радость. Я научился, а вы говорите, что я всё делаю не так.

Я думаю, я прав. Я научился радоваться. Я могу делать такое же лицо, как и другие дети. Я могу хохотать и могу улыбаться. Я ничем не отличаюсь от других детей.

Мне кажется, я немного устал. Ладно, не буду больше учиться, всё равно я уже всё умею. К тому же, я и без улыбки красивый, просто папа с мамой этого не понимают.

Это мои папа и мама, я могу им это простить.»

Мальчик посмотрел на родителей с ноткой снисхождения во взгляде.

<http://bllate.org/book/13654/1598264>